

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИ-
НЕННЫХ ШТАТОВ И
КАНАДЫ.

РАССВЕТ

OFFICIAL ORGAN OF
THE RUSSIAN TRADE
UNIONS OF THE UN-
ITED STATES AND
CANADA

A RUSSIAN DAILY NEWS "RASSVIET-THE DAWN"

THE ONLY RUSSIAN DAILY NEWSPAPER IN AMERICA, OUTSIDE OF NEW YORK, PUBLISHED DAILY EXCEPT SUNDAYS AND HOLIDAYS, BY THE RUSSIAN PUBLISHING COMPANY, INC.

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА ГАЗЕТЫ „РАССВЕТ“ открыта ежедневно, кроме
воскресных дней, от 9 часов утра до 7 часов вечера.
ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ: MONROE 7261

Entered as Second Class-Matter, August 4th, 1917, at the Post Office at
Chicago, Illinois, Under the Act of March 3rd, 1879

ОТДЕЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ „РАССВЕТ“ В ДЕТРОИТЕ:
9219 RUSSELL ST., DETROIT, MICH.
Tel. Longfellow 4130

Sat. May 21, 1927

PRICE 3 C.

1722 West Chicago Avenue, CHICAGO, ILL.

ЦЕНА 3 Ц. Суббота, 21 мая 1927 года

ДОСТОЕВСКИЙ, СОЦИАЛИЗМ И ЛИЧНОСТЬ

(В связи с новой книгой: Леонид Гроссман. Путь Достоевского).

Всем хорошо знакомо знаменитое замечание Достоевского о самом себе: "Меня всю жизнь Бог мучил"... Значительно менее выяснен другой, может быть не менее существенный в духовной жизни писателя, вопрос об отношении его к социализму. По мере раскрытия все новых и новых данных и материалов о Достоевском (последние годы дали их очень много) становится ясно, что вопрос религиозный и вопрос социальный, есть ли Бог, как основа высшей истины, и возможно ли, должно быть, братство людей при сохранении, не менее **должной** быть, свободы личной — были теми ослами, на которых вранцалось духовное бытие великого писателя — философа. Они скрещивались в его сознании, расходились, то расходились, то приводили к моральному бунту и даже цинизму ("Записки из подполья"), то звучали радостным призывом к жизни, к вере, в будущее ("Братья Карамазовы", "Речь о Пушкине").

Леонид Гроссман, один из лучших знатоков Достоевского в наши дни, останавливается в своей небольшой книге преимущественно не на религиозном (что, например, делает Н. Бердяев), а на социаль-

ной стороне терзаний и неразрешенных вопросах, преследовавших Достоевского всю жизнь. Пользуясь новыми фактами биографии, письмами и воспоминаниями, беседами со второй женой Д., недавно умершей, он показывает, что великий "душевед" как неточно называли Достоевского в свое время, был одержим стремлением разрешить социальную загадку мира не менее напряженно, чем религиозную.

И здесь красной нитью проходит через искания Достоевского вопрос о том, как примирить интересы личности и общества, как создать "социализм", который не был бы порабощением личностей... Истинно активно он искал путей к системе "вольной всечеловеческой общины", спаянной не указами и внешними кодексами, а **внутренней спайкой, свободной** волей к братству и взаимопомощи. Но, по условиям своего воспитания (религиозность матери, монастыри), по условиям времени, по свойству своего эмоционального, а не рассудочного, характера — он видел базу, основу, цемент для будущего — в христианской идее. Но эта идея, где "мы" становится общим, где "я" сливается со "всеми" — боро-

лась в Достоевском со страхом за "автономию" личности, за утрату ею своих красот, ценностей, силы. Там метался он в мучениях, все ближе, однако, подходя к решению вопроса в том смысле, что "высшая свобода личности — естественно совпадает с высшей общественной любовью, с "царством Бога" на земле".

"Реставрировать образ человека во всем его величии и красоте, освободить и организовать высшие стройные страсти, стесненные, подавленные. Разрушить стены, города, и все материалы их употребить для других зданий и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, стона превратить в жизнь роскошную, стройную, полную веселья, счастья; и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами, цветами — вот цель наша, великая цель, больше которой не было на земле".

Вот основной мотив тех социалистических мечтаний, которые привели Достоевского на эшафот, а, по "помилованию", на каторгу. Этот ранний его социализм, как отметил сам Достоевский, несмотря на его "разрушительную" внешность, был пропитан евангельским духом. Он даже считался многими лишь поправкой и дополнением к христианству "согласно требованиям времени". Уж тогда, когда Достоевскому пришлось "отречься" перед властями, "раскаиваться" в увлечениях молодости ("Я был слеп, верил в теории и утопии"), давал показания следственной ко-

миссии, он "отрывается" лишь от части. Знаменательны его слова ландармам и судьям:

"Социализм, это — наука броженый, это алхимия прежде химии, астрология прежде астрономии; хотя, как мне кажется, из теперешнего хаоса выработается впоследствии что нибудь стройное, благодетельное, точно также, как из алхимии выработалась химия, а из астрологии — астрономия."

Отречение ли это? Нет, это искреннее сознание недостаточности, малой научной общественной теории, но не отказ от мечты о "золотом веке" впереди, о возможности преобразования жизни в духе, братства людей.

Заметили ли вы, как много спорят, обсуждают у Достоевского?.. Как бы все "факты" и лица, проходящие перед нами в его произведениях, лишь материал для этих философских диалогов... Среди движущихся сил этих философских драм, введя за вопросом о Боге, а отсюда, по Достоевскому, о нравственности, морали ("есть ли Бога нет — все позволено") — перед нами вопрос общественный. Не замкнутый в себе Бог, не мораль, оторванная от повседневной жизни, холодная и теоретическая, а социальная этика, правда на земле, личность и все взаимоотношения со средой, с обществом — вот что "разжигает" действие (драму) многих сцен в философских драмах писателя.

Как обеспечить отдельной лич-

ности, необходимо поставленной в условия общественного существования, полную свободу ее независимости и часто прихотливого духовного роста?.. Как совместить свободу отдельного индивидуума с не преложными законами коллектива? Как сочетать для совместного существования эти развернувшиеся индивидуальные воли, ни в чем не посягая на их внутреннюю свободу, но, вместе с тем, стремясь согласовать их для гармонического жизненного целого, для общего действия, для более полной активной и прекрасной общей жизни?

Права отдельного духа, как верно замечает Л. Гроссман, нашли в Достоевском страстного защитника. Какая то высшая, "мировая" правда открывалась ему в стремлении личности развернуться во всю полноту, глубину, ширь, дать "в совершенной силе и яркости свое цветение".

Достоевский чувствовал эту правду — право личности своим "нуром", всем богатством своей сложной - нервной природы. Более спокойный, более рассуждающий, чем чувствующий позитивист должен отстаивать это право на основе биологических законов "роста", развития, властно диктуемых солнечной и другими видами энергии. Но Достоевский подходил "изнутри" вопроса. Его увлекал и мучил, даже в своих преступных изгибах, этот "протест" отдельного, индивидуального против общего. Отсюда, как известно, родился не только сверх-человек Ницше, но и

все "сверх-человек" Достоевского.. И Раскольников и Ставрогин с его, недавно опубликованной "Исповедью" растлителя Малолетней. Великие соблазны личной свободы, ее "грехи", ее звериные возможности, мучили Достоевского. Право гения представлялось Достоевскому высшей духовной ценностью, правом несомненным, но ведь и Ставрогин — "Иван-Царевич", почти гений.

Он же "омерзительный" (по "Исповеди") преступник. Пользуясь терминологией Достоевского "диавол с Богом" сходится в свободной личности. Или, по крайней мере, могут сойтись... И опять та же — современную, скажем, позитивно - материалистическую психологию этим не удивить. Она знает откуда пришел человек, как складывается его "я" (без надзора свыше!), почему мы ведем себя подобно человеческим существам.

Но Достоевского, повторяю, интересует не эта сторона вопроса, а то, как создать гармоническую радость бытия, прекрасную общую жизнь, когда "изнутри в нее глядит через личность и "Бог" (т. е., скажем, высшая красота и правда) и "диавол" (зверь в человеке)?!

Достоевский с самых своих ранних произведений "болеет" за права личности. И не только "гениальной", но, следуя заветам одного из своих учителей, Гюго, всякой поправленной личности ("Бедные люди"), подавленной, униженной и оскорбленной. "Демократическая"

личная масса, так часто превращаясь в "аристократическую душу" была предметом заботы Достоевского. Он полагал, что, считая исторически ми великими, эта масса таит в каждой частице своей священные достоинства, свои "ценности", индивидуальные, но стертые под давлением потоков жизни...

И вот во имя личности — Достоевский то демократ - гуманист (первый его роман "Записки из Мертвого Дома" и др.), то крайний индивидуалист - разрушитель ("Записки из подполья"), то строитель "сверхчеловеческой" мирады, утверждающий право великого на все ("Преступление и наказание"), то во имя другого принципа, (великие потребности общей жизни) — заставляющий этого сверхчеловека клясться и задумываться над Евангелием (там же).

Так от надменной гордости - красоты Манфредов ("Манфред" Байрона) и Прометеев — Достоевский, при всем своем религиозно-фаталистическом восторге перед великими возможностями и правами личности, — переходит к оплаканной слезами матери - земле с ее скромными потребностями. Он чуял в оторванности, одиночестве, крайнего индивидуализма "Штирнерства" — какую то опасность — и с мучительным отчаянием, в поисках истины впадал в горячую крайность — смирение.

(Окончание следует)

Читайте и распространяйте ГАЗЕТУ „РАССВЕТ“.